

С.Л.Шараков

МОТИВ БЛУДНОГО СЫНА В РОМАНЕ «ПОДРОСТОК»

Рассматривается евангельский мотив блудного сына в романе Ф.М.Достоевского «Подросток». Вводится понятие «духовный символизм», помогающее выявить символический слой романа. Основное содержание исследования составляет анализ сюжетной линии героя романа в контексте евангельской притчи о блудном сыне. Рассматривается, как на образном и сюжетном уровнях выражаются этапы духовной жизни героя: через ступени отпадения от Бога — к покаянию. На основании анализа мотива блудного сына устанавливается связь между сюжетом и становлением внутренней жизни героя.

Ключевые слова: Достоевский, роман «Подросток», духовный символизм, мотив блудного сына, мотив света

Мотив блудного сына в романе «Подросток» неоднократно отмечался исследователями. К.Мочульский главную идею романа видит в трагедии человечества, отказавшегося от Бога: «Человечество ушло от Бога и осталось одиноким на земле» [1, с. 415]. Правда, автор притчу о Блудном сыне связывает с образом Версилова: «Так опрокидывается смысл евангельской притчи: не блудный сын возвращается к отцу, а "блудный" отец, оторвавшийся от родной земли и семейного корня, возвращается к сыну» [1, с. 423]. Такая трактовка основана на словах Аркадия о Версиле: «Ибо сей человек "был мертв и ожил, пропадал и нашелся"!» [2, с. 152]. В широком смысле слова, говорить о мотиве блудного сына в отношении образа Версилова можно, но цитирование *подростком* евангельской притчи здесь характеризует не Версилова, а самого *подростка*. Аркадий несколько раз цитирует тексты Библии и всякий раз искажает их смысл. Текст из притчи о Блудном сыне — это очередное искаженное толкование священного текста. Говоря о том, что Версильов был мертв и ожил, Аркадий имеет в виду отказ своего кровного отца от выигранного наследства. Поступок Версилова можно назвать благородным, что Аркадий и делает, но к покаянию человека перед Богом, о чем рассказывает притча о Блудном сыне, поступок Версилова не имеет никакого отношения. О том, что главная мысль «Подростка» заключается в покаянии героя, пишет В.Н.Захаров: «Записки Аркадия в буквальном смысле являются великопостным покаянным сочинением героя, осознанием им своего греха» [3, с. 395].

Со своей стороны, мы полагаем, что образ Аркадия Долгорукого создан в смысловом поле взаимоотношений человека и Бога, так как история взросления героя предстает как постепенное его отпадение от Бога и возвращение к Нему в духовной логике притчи о Блудном сыне. Таким образом, история души *подростка* изображается в стиле духовного символизма [4]. Знание того, что совершается в его *внутреннем человеке*, еще не выведено на свет сознания Аркадия, поэтому оно проявляется в логике изложения событий, в подборе образов, мотивов и реминисценций, которые исподволь возникают в сознании героя.

Первая ступень отпадения — мысленная, мечтательная — связана с рождением «идеи» [2, с. 73]. Источник рождения идеи *жизни из себя*, как заявляет Подросток, жажда могущества. Реминисценции из Библии и Пушкина обнаруживают богоборческий характер идеи. Мотив богоборчества пронизывает главу, в которой Аркадий излагает свою идею.

Стоит отметить, что тема демонизма идеи разворачивается здесь по нарастающей. Сначала герой говорит о способах достижения цели: упорстве и непрерывности. Как он полагает, уличная наука, биржи, банкирское дело, акции покорятся силе его воли: «Ума, что ли, тут так много надо? Что за Соломонова такая премудрость! Был бы только характер; уменье, ловкость, знание придут сами собою. Только бы не переставалось "хотеть"» [2, с. 70]. Упоминание *Соломоновой премудрости* вскрывает богоборческую направленность идеи. В книге Притчей Соломоновых и в книге Премудрости Соломона премудрость заключается в уразумении человеком того, что милом правит Бог и что, следовательно, участь человека зависит от воли Божьей, от степени близости человека к Богу. Другими словами, премудр тот, кто в хаосе жизненных событий способен увидеть действие Промысла Божьего. Выражение: «Ума, что ли, тут так много надо?» — реминисценция из книги Притчей Соломоновых: «Надейся на Господа всем сердцем твоим, и не полагайся на разум твой. Во всех путях твоих познавай Его, и Он направит стези твои» (Притч. 3: 5-6). Напротив, герой полагается на свой ум, на свои силы и занят не поиском воли Божьей, а преследованием своей.

Далее возникает тема могущества. И здесь Аркадий вспоминает монолог Барона из «Скупого рыцаря». Как и Подросток, Барон провозглашает полную свободу: «Мне все послушно, я же — ничему» [5, с. 111]. Принимая идею саможизни и могущества, изложенную пушкинским героем, Аркадий соглашается и с демонической ее природой.

Апофеоз могущества видится Подростку в том, чтобы отдать накопленное богатство людям: «Одно сознание о том, что в руках моих были миллионы и я бросил их в грязь, как вран, кормило бы меня в моей пустыне» [2, с. 76]. Эта фраза является реминисценцией из 3 книги Царств на слова Бога к пророку Или: «И было к нему слово Господне: пойди отсюда и обратись на восток и скройся у потока Хорафа, что против Иордана; из этого потока ты будешь пить, а воронам Я повелел кормить тебя там. <...>. И вороны приносили ему хлеб и мясо поутру, и хлеб и мясо по вечеру, а из потока он пил» (3 Цар. 17: 2-4, 6). Ворон, кормящий Илию, суть знак Божьего Промысла и Божьего могущества, знак того, что только Богом жив человек. Подросток же мечтает питаться сознанием своего могущества.

Как можно заметить, герой последовательно искажает библейские тексты: в таком же ключе он истолковывает притчу о блудном сыне [2, с. 131].

Следующая ступень отпадения связана с темой замещения Бога, с возведением кумира. В романе таким кумиром становится любовь к женщине. Примечательно, что соотнесение женщины с божеством сквозным мотивом проходит через весь роман: «Преимущественно мы говорили о двух отвлеченных предметах — о Боге <...>, и об женщинах» [2, с. 24]. Князь Сокольский называет Версилова *бабым пророком*. Подросток, в свою очередь, обожествляет Катерину Ивановну: сначала он рисует образ античной богини: «Я никогда не воображал, что у вас такой лоб: он немного низок, как у статуй, но бел и нежен, как мрамор, под пышными волосами» [2, с. 203]. А потом уже говорит о совершенстве своего идеала: «Я приобрел сокровище: мысль о вашем совершенстве. <...>. Ведь вы — святая...» [2, с. 208].

Языческую подоплеку соотнесения женщины с божеством вскрывает Макарь Иванович: «Деньги хоть и не бог, а все же полбога — великое искушение? А тут и женский пол, а тут самомнение и зависть» [2, с. 311]. Он же говорит о духовном законе, что вознамерившийся жить из себя человек неизбежно поклонится идолу: «... а жить без Бога — одна лишь мука. <...>. Да и что толку: невозможно и быть человеку, чтобы не преклониться; не снесет себя такой человек, да и никакой человек. И Бога отвергнет, так идолу поклонится — деревянному, али златому, аль мысленному» [2, с. 302].

Окончательная ступень отпадения связана с погружением *подростка* в материальную стихию мира. Если сначала герой отказывается видеть цель жизни в Боге, а затем выстраивает собственное целеполагание, то на этой ступени он полностью утрачивает целесообразность: «Когда я очутился на улице идохнул уличного холодного воздуха, то так и вздрогнул от сильнейшего ощущения — почти животного и которое я назвал бы плотоядным. Для чего я шел, куда я шел? Это было совершенно неопределенно и в то же время плотоядно. И страшно мне было и радостно — все вместе» [2, с. 333].

На этой ступени вступает в силу духовный закон, по которому человек, создавший идола как предмет преклонения, пытается подчинить идола своей воле. Идол Аркадия — Катерина Ивановна. В начале третьей части герой описывает сон, который он называет пророческим: «Я вдруг очутился, с каким-то великим и гордым намерением в сердце, в большой высокой комнате. <...>. И вдруг входит она. Она смотрит робко, она ужасно боится, она засматривает в мои глаза. В руках моих документ. Она улыбается, чтоб пленить меня, она ластится ко мне; мне жалко, но я начинаю чувствовать отвращение» [2, с. 305-306].

Через сон герою открывается гнездящаяся в душе блудная страсть: «Клянусь, что до этого мерзостного сна не было в моем уме даже хоть чего-нибудь похожего на эту позорную мысль! Даже невольной какой-нибудь в этом роде мечты не было (хотя я и хранил “документ” зашитым в кармане и хватался иногда за карман с странной усмешкой). Откуда же это все явилось совсем готовое? <...>. Это значит, что все уже давно зародилось и лежало в развратном сердце моем, в желании моем лежало, но сердце еще стыдилось наяву, и ум не смел еще представить что-нибудь подобное сознательно. А во сне душа сама все представила и выложила, что было в сердце, в совершенной точности и в самой полной картине и — в пророческой форме» [2, с. 306-307].

И все же окончательного падения не происходит, так как в душе *подростка* помимо страстных движений живет и искреннее стремление к *благообразию*, которое выражается, среди прочего, в желании разгадать своего природного отца Версилова — кто он? За этим вопросом скрывается духовная потребность обрести смысл жизни — истину. Но обрести истину не просто: герой постоянно ошибается и принимает за истину то, что ею не является.

Истину в романе символизирует *свет*.

Мотив *света* появляется в детском воспоминании Аркадия: «Помню еще около дома огромные деревья, липы кажется, потом иногда сильный свет солнца в открытых окнах, палисадник с цветами, дорожку, а вас, мама, помню ясно только в одном мгновении, когда меня в тамошней церкви раз причащали и вы приподняли меня принять дары и поцеловать чашу; это летом было, и голубь пролетел насквозь через купол, из окна в окно...» [2, с. 92] Здесь прослеживается реминисценция из Евангелия: Христос (в дарах причастия) и голубь указывают на Божоявление. Свет солнца при этом сочетается со светом Христова явления — духовным светом, просвещающим мир. Затем мотив света возникает в описании первой встречи *подростка* с Версильовым: «... горящие и темные глаза и сверкающие зубы» [2, с. 93].

Так, образ матери в детском воспоминании героя связан с природным и Христовым светом, а образ отца — со светом его глаз и зубов. Источник одного света — природа и Бог, источник другого — человек. И если впечатление от лица матери в сердце Аркадия осталось на *всю жизнь*, то от улыбки Версильова его сердце *взвеселилось*, то есть пришло в движение. Дальнейшее появление мотива света позволяет говорить о том, что свет Христов и свет, исходящий от Версильова, противопоставляются. На световом контрасте выстроена *исповедь* героя перед Версильовым. Описанию сцены *исповеди* предшествуют слова матери: «Христос — отец, Христос не нуждается и сиять будет даже в самой глубокой тьме...» [2, с. 215] Мотив света в ночи повторяется через несколько страниц, но уже он относится к Версильову: «В его голосе сверкал милый, дружественный ласкающий смех... что-то вызывающее и милое было в его словах, в его **светлом** (выделено мной. — С.Ш.) лице, насколько я мог заметить ночью» [2, с. 219]. Усиливает момент контраста эпизод с поручиком в сцене *исповеди*: Версильов устраивает скандал попросившего у него милостыню поручику. Сцена *исповеди* через мотивы милости и отца соотносится с притчей о блудном сыне — с моментом возвращения сына к отцу и

отеческой милости к сыну. Не случайно Аркадий впервые здесь называет Версилова отцом, что явно перекликается со словами матери о Христе-отце. Но Христос милует, а Версильов поручика — нет. Эта история показывает, что Аркадию нельзя ждать милости от природного отца.

Противопоставление света Христова и света, исходящего от Версилова, создает ситуацию выбора. В концовке романа есть только намеки, позволяющие делать вывод о том, что *подросток* выбрал путь следования за Христом. Одним из таких намеков являются слова о старой и новой жизни, что перекликается с двумя заветами — старым и новым: «Старая жизнь отошла совсем, а новая едва начинается» [2, с. 451].

Особую значимость в этом контексте, и в контексте всего замысла романа имеет поэтологическая деталь. Напомним, что в начале произведения герой, в соответствии с началами «Поэтики» Аристотеля, в центр повествования ставит события, а не характеры [2, с. 5].

Изображение характеров, по Аристотелю, уместно как средство выражения событий. Такое понимание соотношения характера и события имеет свою метафизику: так как тайна бытия, именуемая в античности роком / судьбой, проявляется в событиях, то их онтологический статус оказывается в глазах человека античности, язычника, выше характера. И *подросток* начинает свой рассказ, будучи таким язычником. Особенность «Записок» состоит в том, что, хотя это и рассказ о произошедших событиях, автор описывает свои внутренние состояния такими, какими они были в описываемое время: «Но я писал, слишком воображая себя таким именно, каким был в каждую из тех минут, которые описывал» [2, с. 447]. Таким образом, в начале «Записок» изображается языческое мирозерцание и мирочувствие автора, которое постепенно меняется, так что в приведенной цитате он утверждает установку, обратную начальной, — утверждает, что описывает свои внутренние состояния. Изменяется его главный поэтологический принцип: теперь события выявляют внутренний мир героя. Такую же оценку «Запискам» даст и бывший воспитатель *подростка* Николай Семенович: «Вот тогда-то и понадобятся подобные “Записки”, как ваши, <...>. Уцелеют по крайней мере хотя некоторые верные черты, чтоб угадать по ним, что **могло таиться в душе иного подростка** (выделено мной. — С.Ш.) тогдашнего смутного времени...» [2, с. 455] Смещение внимания с *события* на *характер* указывает на изменение мирозерцания, которое теперь можно назвать христианским, так как в христианстве тайна бытия раскрывается в человеке — образе и подобию Бога. Если же характеризовать это смещение с поэтологической точки зрения, то здесь наблюдается переход от античного символизма к символизму христианскому, в частности, *духовному символизму*, согласно которому события выявляют содержание *внутреннего человека*.

Если говорить о духовном символизме в романе «Подросток» в целом, то следует указать на то, что здесь, впервые у Достоевского, в художественной форме выражается идея связи становления культурных-исторических эпох со степенями / ступенями зрелости человеческой души. Главная характеристика определенной эпохи, как ее видит писатель, заключается в выявлении того, какая духовная ступень зрелости души человека оказывается в той или иной культуре нормативной, образцовой. Так развитие человечества от Античности до современности, в частности, в романе речь идет о развитии представлений о судьбе, о Промысле, соотносится Достоевским с внутренним миром *подростка*. Главной праисторией развития становится евангельская притча о Блудном сыне. Как человечество шло к тому, чтобы принять Иисуса Христа, так и в герое рождается Христос. Рождается Христос в человеке в труде покаяния, и в «Подростке» в этом смысле изображена подспудно созревающая в герое покаянная исповедь. Впервые писателю удастся художественно описать зарождение и развитие покаянного чувства, что свидетельствует о созревании символического мирозерцания Достоевского до зрелости, глубин и полноты духовного символизма.

-
1. Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество. Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1947. 564 с.
 2. Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 13. Л.: Наука, 1975. 456 с.
 3. Захаров В.Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индик, 2013. 456 с.
 4. Шараков С.Л. О понятии духовного символизма в системе эпохальных стилей символики [Электр. ресурс] // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2018. № 2(14). URL: <http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1442182> (дата обращения: 20.01.2020).

References

1. Mochul'skiy K. Dostoevskiy. Zhizn' i tvorchestvo [Dostoevskiy. Life and Creativity]. Parizh, 1947. 564 p.
2. Dostoevskiy F.M. Podrostok [A Raw Youth]. In: Dostoevskiy F.M. Complete works in 30 vols, vol. 13. Leningrad, 1975. 456 p.
3. Zakharov V.N. Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva [Author's name is Dostoevskiy. Essay on creativity]. Moscow, 2013. 456 p.
4. Sharakov S.L. O ponyatii dukhovnogo simvolizma v sisteme epokhal'nykh stiley simvoliki [About the concept of spiritual symbolism in the system of styles symbolism]. Memoirs of NovSU, 2018, no. 2(14). Available at: <http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1442182> (accessed: 20.01.2020).

Sharakov S.L. The motive of the prodigal son in the novel of F.M.Dostoevskiy "A Raw Youth". The article considers the gospel motive of the prodigal son in the novel "A Raw Youth" by F.M.Dostoevskiy. The concept of "spiritual symbolism" is introduced, which helps to identify the symbolic layer of the novel. The main content of the study is the analysis of the storyline of the hero of the novel in the context of the gospel parable of the prodigal son. It is considered how the stages of the hero's spiritual life are expressed on the figurative and plot levels — from the steps of falling away from God to repentance. Based on the analysis of the prodigal son's motive, a connection between the plot and the formation of the hero's inner life is established.

Keywords: F.M.Dostoevskiy, the novel "A Raw Youth", spiritual symbolism, the motive of the prodigal son, the motive of light.

Сведения об авторе. Сергей Леонидович Шараков — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Новгородский музей-заповедник, Филиал «Дом-музей Ф.М.Достоевского»; ORCID: 0000-0001-7059-9918; ssharakov@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2020. Принята к публикации 15.03.2020.